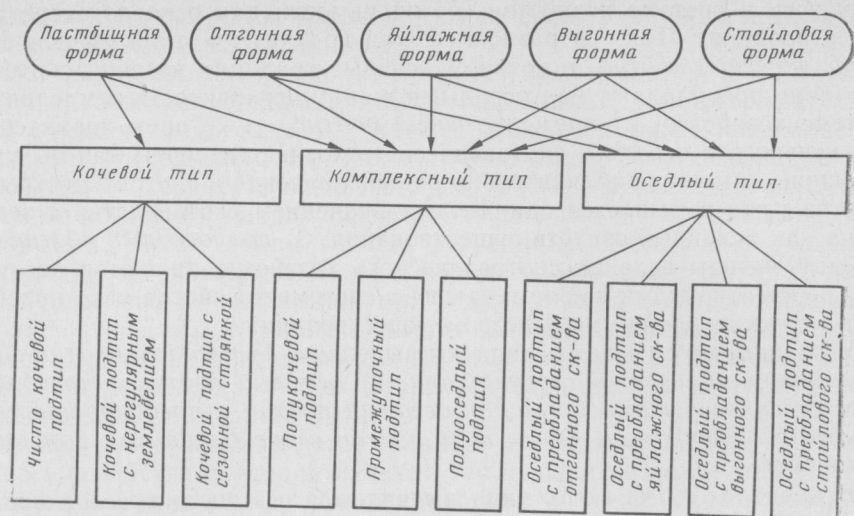

Классификация традиционного скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана

лишь основные градации скотоводства и не исчерпывают всего его разнообразия. Поэтому с учетом географических факторов, которые оказывали существенное влияние на формирование разновидностей скотоводческого хозяйства в той или иной природной зоне, а также особенностей скотоводства, сложившихся у разных народов и их локальных групп под воздействием историко-культурных факторов, можно выделить в пределах рассмотренных подтипов скотоводства многочисленные варианты.

Б. В. Андрианов

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ДЕФИНИЦИЯХ И ТЕРМИНОЛОГИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Обсуждаемая статья Г. Е. Маркова¹ затрагивает ряд важных проблем этнографического изучения скотоводческого хозяйства и кочевничества. Он справедливо обращает внимание прежде всего на существующие различия в толковании терминов «животноводство» и «скотоводство». Если первый, по мнению Г. Е. Маркова, охватывает все формы содержания животных и служит основой многих хозяйственно-культурных типов, то второй связан с более или менее экстенсивным разведением животных и хозяйственной деятельностью, «либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков» (с. 84).

Нетрудно заметить, что в данной статье, как и в ряде других своих публикаций, Г. Е. Марков связывает вопросы классификации скотоводческого хозяйства с историко-этнографической классификацией, с так называемыми хозяйственно-культурными типами. Такой подход, безусловно, соответствует современным задачам этнографии, изучающей в рамках разрабатываемых в отечественной науке научных концепций «этнических общностей», «историко-культурных областей» и «хозяйст-

¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— Сов. этнография, 1981, № 4 (далее ссылки на эту статью даются в тексте).

венно-культурных типов»² общие исторические закономерности в культурно-бытовом многообразии народов мира, в их традиционной хозяйственной деятельности и образе жизни.

Позиция Г. Е. Маркова выгодно отличается от попыток некоторых этнографов типологизировать скотоводческую хозяйственную деятельность без достаточного учета этих основополагающих этнографических концепций³.

Скотоводческое хозяйство и кочевничество изучаются и типологизируются разными науками. Так, специалисты в области сельского хозяйства, экономисты, географы в своих типологических разработках опираются главным образом на организационно-экономические и естественнонаучные данные (физиологию животных, агроклиматологию, геоботаническую характеристику поедаемой растительности на пастбищах и т. п.). Например, Л. М. Зальцман выделяет в мировой практике три основные системы животноводства: пастбищную, стойлово-пастбищную и стойловую. Пастбищная в свою очередь им подразделяется на формы: экстенсивно-кочевую, отгонно-пастбищную и стационарно-пастбищную. Стойлово-пастбищная форма может быть экстенсивной на основе естественных пастбищ, а также среднеинтенсивной на комбинированной кормовой базе и, наконец, интенсивной на высокопродуктивной кормовой базе⁴. Нетрудно видеть, что в основе такой классификации лежат именно организационно-экономические показатели использования кормовых ресурсов.

Возможен и несколько иной подход. Так, американская исследовательница кочевого скотоводства Центральной и Юго-Западной Азии Э. Бэкон в основу классификации положила состав стада. Она выделила в Юго-Западной Азии пять типов: 1) верблюдоводов-бедуинов Аравии; 2) пастухов-скотоводов Междуречья Тигра и Евфрата, а также Сирии; 3) полуседлых скотоводов с буйволами в приречных районах; 4) полукочевников Аравии, выпасающих овец и коз, занимающихся отчасти и земледелием; 5) скотоводов-охотников в зоне пустынь. В степях Средней (Центральной) Азии Э. Бэкон выделяет лишь один тип кочевников, разводящих овец и коз, крупный рогатый скот и в небольших количествах верблюдов⁵.

В последние годы в зарубежной литературе получила широкое распространение классификация экспертов ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), которые подразделяют скотоводство теплого и жаркого поясов на «кочевников», «полукочевников» и «скотоводов с отгонными формами выпаса скота (трансюманс)». «Кочевниками» они называют группы скотоводов, которые основные средства существования получают от скотоводства, продукты земледелия лишь немного дополняют их. Следуя за перемещением области нерегулярных осадков, кочевники мигрируют в поисках пастбищ и воды для скота. «Полукочевники» тоже живут на доходы преимущественно от скотоводства, но занимаются и земледелием на своих постоянных поселениях, куда периодически возвращаются на различные по продолжительности периоды. «Скотоводы с отгонными формами выпаса скота» сочетают скотоводство с земледелием, но перемещаются на новые пастбища традиционными маршрутами, когда пастбища в зоне земледелия истощаются⁶.

² Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 48—51.

³ См., напр.: Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья.— В кн.: Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971; Курылев В. П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, и др.

⁴ Зальцман Н. М., Оболенский К. П., Колесников С. Г., Гапоненко Г. С. (ред.). Вопросы размещения и специализация сельского хозяйства. М.: Мысль, 1962.

⁵ Bacon E. E. Types of Pastoral Nomadism in Central and Southwest Asia.— *Southwestern Journal of Anthropology*, 1954, X, p. 44—46.

⁶ Hjort A. Traditional Land Use in Marginal Drylands.— In: *Can desert Encroachment be stopped?* Stockholm, 1976, p. 43.

Главное в схеме экспертов ФАО — это соотношение земледелия и скотоводства как способов получения средств к существованию; учитываются ими также формы подвижности и оседлость отдельных групп скотоводов.

Чем же должен отличаться этнографический подход к типологии скотоводческого хозяйства?

Для этнографии, занимающейся традиционно-бытовой сферой жизни народов⁷, важными критериями являются не только характеристика хозяйственной деятельности во времени (годовые циклы) и пространстве (территориальная организация хозяйственной деятельности, направление и сезонность миграций и т. п.), но и тесно связанные с ней особенности социальной структуры и образа жизни людей, получающие материальное воплощение в формах традиционной культуры и быта, например в соотношении постоянных, долговременных и временных селений и жилищ.

Комплексный этнографический подход к проблеме типологии скотоводческого хозяйства получил выражение в хорошо известных трудах С. И. Руденко, А. И. Першица, Т. А. Жданко, Г. Е. Маркова, С. И. Вайнштейна, и др. С. И. Вайнштейн в частности, связал формы подвижности тувинского скотоводства четырех выделенных им типов (кочевого, полукочевого, оседлого и полuosедлого) не только с характером и сезонностью перегонов скота, но и с особенностями селений и жилищ — временных, переносных (на стоянках и стойбищах) или постоянных (преимущественно на зимниках)⁸. Г. Е. Марков, рассматривая различные типы и формы скотоводства стран Азии, обратил прежде всего внимание на существенные хозяйственные и социальные различия между собственно «кочевничеством» (куда он включил и тип полукочевников) и типом или группой типов «подвижных скотоводов» (с. 84)⁹. По его мнению, кочевой и полукочевой подтипы скотоводческого кочевнического хозяйства составляют основу одного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов. Сущность кочевничества как значительного исторического явления заключается, по его словам, «не просто в способе ведения хозяйства, а прежде всего в наличии специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации, политической структуры» (с. 86).

Историческая роль кочевничества хорошо известна. Формирование и быстрое распространение в I тысячелетии н. э. развитого хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников в огромной аридной зоне Старого Света вызвало цепную реакцию «великого переселения народов». Движение кочевников не только коренным образом изменило всю этническую географию этих областей, но и ускорило гибель многих государств, переживавших в середине I тысячелетия н. э. глубокий внутренний социально-экономический кризис¹⁰.

Рассматривая вопрос о соотношении кочевого и полукочевого подтипов скотоводческого хозяйства, Г. Е. Марков обращает внимание на отсутствие универсальных критериев их разграничения. Различия могут быть выделены, по его словам, «только в каждом отдельном, территориально ограниченном регионе» (с. 84—85). Так, известный французский географ, исследователь Сахары, Р. Капо-Рей видел различие между кочевниками и полукочевниками в удельном весе земледельческой деятельности. Он разделил население Сахары на три группы: 1) кочевники (с периодическими и непериодическими миграциями); 2) полукочевники; 3) оседлые земледельцы¹¹.

⁷ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 265.

⁸ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972, с. 57—77.

⁹ См. также Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 278—319.

¹⁰ Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс.— Сов. этнография, 1968, № 2, с. 29.

¹¹ Капо-Рей Р. Французская Сахара. Пер. с франц. М.: Географгиз, 1958, с. 232—247.

В Казахстане на рубеже XIX—XX вв. основным было не кочевое, а экстенсивное полукочевое скотоводство с пастбищно-полустойловой системой содержания скота, сенокошением, занятием также и земледелием, наличием стационарных жилищ на зимовках¹².

Полукочевое скотоводство преобладало на рубеже XIX—XX вв. и у соседних киргизов. Но Г. Н. Симаков, который об этом пишет в своей статье, посвященной вопросам типологии, не рассматривает кочевое скотоводство как особый тип скотоводческого хозяйства, что было бы логичнее. Им выделено у киргизов конца XIX — начала XX в. лишь три типа: кочевой, переходный (смешанный) и оседлый¹³. Основная масса киргизских скотоводов, по его мнению, вела хозяйство переходного типа, являвшегося составной частью комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства с сезонной оседлостью. Подход Г. Н. Симакова к типологии скотоводческого хозяйства нам представляется формалистичным. В его работе отсутствует четкая связь с концепцией хозяйственно-культурных типов, недостаточно учтено влияние зональных ландшафтных различий на скотоводческое хозяйство. Так, с одной стороны, он в общем правильно выдвигает в качестве главного критерия зависимость скотоводческого хозяйства от земледелия, с другой — определяя скотоводов высокогорного Восточного Памира в качестве единственной группы «кочевников» Киргизии, упускает из виду, что земледелие отсутствовало у них не в силу органической специфики данного типа, а только благодаря суровым климатическим условиям высокогорного плато.

Выделенный Г. Н. Симаковым особый «переходный (смешанный)» тип неудачен и терминологически и по существу, так как охватывает не один, а ряд типов скотоводческого хозяйства (полукочевой, полуоседлый и т. п.). Неудачен в терминологическом плане и предложенный Г. Е. Марковым термин «подвижные скотоводы», хотя он оговаривает его условность и многозначность. Все скотоводы (в том числе и кочевники), ведущие экстенсивное скотоводческое хозяйство на сезонноменяемых пастбищах, в той или иной степени подвижны. Но формы подвижности могут быть разными. Их характеристика — важный критерий при выделении типов и подтипов скотоводческого хозяйства. Однако типология форм подвижности и степени оседлости (а значит, и образа жизни) отдельных хозяйственных групп народов мира разработана недостаточно. Принятые в литературе понятия (бродячий, кочевой, полукочевой, полуседлый, оседлый) в значительной мере условны. Поэтому нами была сделана в свое время попытка типологической разработки и картографирования форм подвижности «неоседлого» населения мира. За основу были взяты показатели пребывания отдельных групп населения на поселениях-сельбищах (зимниках, становищах и т. п.) и стойбищах (временных стоянках)¹⁴. На карте выделено 10 форм подвижностей для 12 групп неоседлого населения (в том числе кочевников-скотоводов и охотников жаркого пояса, кочевников и полукочевников скотоводов аридной зоны, высокогорных кочевников-скотоводов, промысловых оленеводов, охотников и рыболовов и т. д.). Для неоседлого населения со скотоводческо-земледельческими хозяйственно-культурными типами были предложены следующие формы подвижности: подвижно-кочевой, кочевно-оседлый, оседло-кочевой, переменн-оседлый, годовая оседлость с сезонной миграцией части населения.

Существуют и другие, не менее важные аспекты скотоводческого хозяйства, которые необходимо учитывать в процессе создания как общих, так и региональных классификаций. В своей статье Г. Е. Мар-

¹² Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука, 1980, с. 87.

¹³ Симаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX — начало XX в.).— Сов. этнография, 1978, № 6, с. 16.

¹⁴ См. Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978, с. 119—120; термины «сельбище» и «стойбище» были предложены в свое время Ю. И. Семеновым (см. Семенов Ю. И. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите.— Сов. этнография, 1973, № 4).

ков правильно обратил внимание на социально-экономический аспект. Действительно, отдельные типы скотоводства могут сильно отличаться друг от друга, и в зависимости от этого наблюдаются принципиальные различия в социальных структурах кочевых обществ. Таковы, например, отличия в социальной организации готтентотов и масаев (начала XX в.), с одной стороны, и кочевников-бедуинов Сахары и Аравии — с другой.

Главная особенность традиционного скотоводства заключается в экстенсивном использовании природных ресурсов, что в условиях замкнутого потребительского хозяйства и кочевого образа жизни способствовало долгим столетиям сохранению в таких обществах архаических форм социальной организации. Некоторые зарубежные ученые (Д. Джонсон, Д. Григг и др.) считают, что круглогодичное скотоводство на пастбищах — умирающая система хозяйствования. Однако опыт социалистических стран — СССР и Монголии — показал возможность выравнивания уровней социально-экономического развития отсталых в недавнем прошлом скотоводческих обществ, возможность трансформации традиционного кочевого скотоводства и замены его более совершенными пастбищными и отгонными формами хозяйствования, что сопровождается коренными преобразованиями образа жизни, культуры и быта людей ¹⁵.

¹⁵ См.: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу, с. 7—12; *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука, 1979.

Г. Е. Марков

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИЙ И ТЕРМИНОЛОГИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА И КОЧЕВНИЧЕСТВА (ответ оппонентам)

Все авторы, принявшие участие в обсуждении моей статьи о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества ¹, отметили своевременность, актуальность и важность поставленной проблемы в связи с недостаточной разработанностью систематики и классификации многих явлений этнографии и истории первобытного общества. Было также отмечено, что интерес историков, археологов и этнографов к этим вопросам вызван как расширением межотраслевой интеграции и подготовкой комплексных исследований, так и постановкой в настоящее время широких теоретических проблем. Была подчеркнута и актуальность увязки типологии скотоводческого хозяйства с разработанными советскими исследователями хозяйственно-культурными типами.

Обсуждение прошло безусловно плодотворно, был высказан ряд интересных положений, заслуживающих дальнейшего развития. Вместе с тем дискуссия показала, что проблема пока далека от окончательного решения. Предстоит разработка прежде всего двух ее аспектов: 1) уточ-

¹ *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. — Сов. этнография, 1981, № 4. Обсуждение статьи: *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. — Там же, 1982, № 2; *Шамиладзе В. М.* О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа. — Там же, 1982, № 3. Две статьи публикуются в настоящем номере журнала: *Андрианов Б. В.* Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства; *Симаков Г. Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX в.

Далее ссылки на эти статьи даются в тексте.